

Олег Мухутдинов

О СМЕШНОМ И СЕРЬЕЗНОМ В ЖИЗНИ И ФИЛОСОФИИ ДИОГЕНА ИЗ СИНОПА

И на вопрос: «Что, по-
твоему, представляет собой
Диоген?» – Платон ответил:
«Это безумствующий Сократ»
[5, с. 230].

Присутствие в истории греческой философии наряду с Гераклитом, Парменидом, Платоном и Аристотелем такой личности как Диоген из Синопа кажется недоразумением, в лучшем случае – удивительным фактом. Да и философом Диоген стал случайно. Рассказывают, что он был уличен в подделывании монеты (возможно, вследствие неправильного толкования совета оракула о переоценке ценностей) и бежал в Афины, где примкнул к философу Антисфену. Диоген не является самостоятельной фигурой и рассматривается в качестве представителя кинической школы. У кинического движения в целом – не у одного лишь Диогена – «теория», в привычном смысле этого слова, отсутствует. Теоретическому изложению кинизма мы обязаны, скорее, Гегелю. И все же античная доксография считает Диогена философом. Эта позиция уже является достаточным основанием, чтобы изменить взгляд на представление о природе философии в античности. Идея философии здесь определяется отнюдь не теоретической установкой.

Если исходить из представления, согласно которому теория есть взаимосвязь истинных суждений, обоснованных неким принципом, любая попытка реконструкции учения Диогена должна расцениваться как безнадежная. В главе, посвященной Диогену из Синопа, другой Диоген – из Лаэрти – упоминает большое количество написанных Диогеном-киником книг, не только философских произведений, но и трагедий. Тем не менее, в тексте самой главы почти невозможно обнаружить даже малейшего намека на то, что является предметом обсуждения в этих книгах. Речь идет об описании повседневной жизни Диогена Синопского, это описание носит юмористически-повествовательный, а не теоретический историко-философский характер.

Но если в истории остается только существенное, то мы

можем предположить, что существенное философской позиции Диогена заключалось в его образе жизни. Это существенное можно попытаться зафиксировать двояким образом: прежде всего, обратившись к представлению Диогена из Синопа в контексте истории философии и, далее, приняв за основу исследования понятие конкретной фактической жизни. Такой метод работы позволяет провести четкое разграничение между традиционным отношением к Диогену в историко-философской науке и тем взглядом, согласно которому история философии не является исторической дисциплиной, чья задача заключалась бы исключительно в сборе и изложении некоторых теоретических и биографических сведений.

Фрагмент, определяющий положение Диогена в истории философии, мы обнаруживаем в «Лекциях по истории философии» Гегеля. Киническая школа рассматривается в рамках сократической философии, изложению сведений о Диогене и прочих представителях кинизма предшествует общее рассуждение о принципах кинического учения. Изучение истории философии совпадает для Гегеля с изучением самой философии, философия является исследованием истины в движении понятия. Это движение есть стремление к совершенству познания, – «ибо суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию» [4, с. 2]. Киническая школа представляет собой момент становления истины с точки зрения целого, говоря иначе, – с абсолютной точки зрения. Понятие кинической философии – это понятие свободного, равнодушного ко всякой единичности самосознания. Здесь обнаруживается основание кинического разрешения вопроса о том, чем сознание должно руководствоваться в отношении познания и поступков. Киники «выставляли руководящим основоположением для человека свободу и безразличие, как в мыслях, так и в действительной жизни, ко всякой внешней единичности, ко всем внешним целям, потребностям и удовольствиям, так что образование приводило у них не только к равнодушию ко всем

этим потребностям и удовольствиям и к внутренней независимости, как это имело место у киренаиков, а к явным лишениям и ограничению потребностей самым необходимым, тем, что непосредственно требуется природой» [3, с. 110]. Идея свободы в кинической философии является частным случаем понятия свободы греческого исторического мира; не человек, но лишь некоторые люди в действительности обладают свободой. Но эта свобода носит негативный характер и заключается в отказе от внешнего. Истинное же понятие свободы заключается в том, что «сознание при полной переплетенности со всякой действительностью все же стоит выше ее и остается свободным от нее» [3, с. 110]. Не только отсутствие теории, но и отсутствие положительного понятия свободы, приводит Гегеля к резкому заключению: «Научного значения киническая школа не имеет» [3, с. 110]. Вследствие этого «о киниках нельзя сказать ничего особенного, так как они не обладали большой философской культурой и не развили своих мыслей в научную систему» [3, с. 109].

Под общее понятие кинической школы подводится и Диоген. Диоген действительно является самым известным из киников, но своей известностью он обязан не образованности, а образу жизни, – «у него точно так же, как у позднейших киников, кинизм получил характер скорее образа жизни, чем философского учения» [3, с. 113]. Определения способа существования, избранного Диогеном, – это простота и естественность, ибо уменьшение количества потребностей приближает человека к божественному. Такой образ жизни «имеет вообще своим существенным условием умственную культуру» [3, с. 114]. Но в остальном «о Диогене можно рассказать лишь *анекдоты*» [3, с. 114]. И эти анекдоты Гегель вкратце пересказывает. Ситуация выглядит удивительно, но представление Диогена с точки зрения абсолютного знания у Гегеля не отличается от доксографического.

Предложенное Гегелем понятие кинической философии можно было бы считать исчерпывающим, если бы здесь не был выпущен из виду феномен самой фактической жизни, – образа жизни философов-киников. В дальнейшем будет предпринята попытка феноменологического анализа некоторых ситуативных моментов, приводимых Диогеном Лаэртским в анекдотической форме. Этому анализу предшествует формальное

феноменологическое обозначение идеи жизни.

Определение жизни как предметной области феноменологии должно включать в себя следующие моменты: 1) деятельность (мы говорим о жизни, употребляя, например, выражение «жить полной жизнью» – «жить чем»), творительный падеж, т. е. жить посредством жизни, создавая собственную жизнь – животное не создает жизни). О том, кто не живет деятельной жизнью, говорят: он влачит существование. Но бездействовать может только такое существо, которое по природе способно действовать; 2) стремление, жизнь-для и жизнь-ради (тезис Ницше: «жизнь есть стремление к увеличению собственной мощи» является ярким подтверждением тому). Основанием стремления является воля, деятельность определена волей. Деятельность, руководствующаяся стремлением, носит телеологический характер. Поскольку жизнь является основанием исторического, история становится целеполагающей деятельностью. В случае кинической школы жизнь есть стремление к совершенству независимости; 3) «где?». Жизнь всегда определена некоторым «где», не как абстрактным пространственным определением, здесь предполагается совокупность обстоятельств, система значений, в которую жизнь включена и которая имеет значение, поскольку жизнь сама создает эту систему обстоятельств. Жизнь «где» указывает не только на обстоятельства, связанные с окружающей средой, но и на отношение жизни к другой жизни. Жизнь принципиально носит совместный характер. Противопоставление общественного и единичного ничего не меняет. Уединенным может быть только то существование, которое по природе является общественным. «Где» существования есть мир, феноменологически следует понимать мир как свет; 4) «когда?». Последняя характеристика не является абстрактным физическим определением, но указывает на эпоху, в которой «осуществляется» жизнь. «Когда» феноменологически является определением временности (*Zeitlichkeit*).

Жизнь, т. е. определенная характеристиками «где» и «когда» и руководствующаяся стремлением деятельность, есть действительное историческое событие. Однако подступ к исследованию жизни затрудняется тем, что она оказывается самодостаточной, замкнутой в себе самой сущностью. Как таковая, жизнь не может стать объектом. Объективация является

теоретическим способом исследования, жизнь же должна быть возведена в понятие в ее дотеоретическом существовании.

Образ жизни Диогена есть образ философии в ее дотеоретическом существовании. «*Zōnē* ist ein *Seinsbegriff*, “Leben” besagt eine *Weise des Seins*, und zwar *Sein-in-einer-Welt*. Ein Lebendes ist nicht einfach vorhanden, sondern ist in einer Welt, in der Weise, daß es seine Welt hat» [1, s. 18] – *Zōnē*, «жизнь», есть понятие бытия, «жизнь» означает способ бытия, а именно – бытия в мире. Живое не просто есть, но существует в мире, таким образом, что у живого есть мир. Задача исследования заключается теперь не в том, чтобы в анекдотических историях выделить теоретическую составляющую, но в том, чтобы попытаться в общих чертах реконструировать мир действительной жизни Диогена и тем самым создать основание для понимания сущности кинической философии.

Доксограф приводит историю, которая раскрывает идею философского учения для Диогена. «Гегесий просил почитать что-нибудь из его сочинений. “Дурак ты, Гегесий, – сказал Диоген, – нарисованным фигурам ты предпочитаешь настоящие, а живого урока не замечаешь и требуешь писанных правил”» [5, с. 229]. Философия есть отношение человека к миру, действительное отношение к действительности – и это отношение выражается в поступке, таким образом потребность в описаниях становится минимальной. Потому для опровержения рассуждений о невозможности движения достаточно встать и начать ходить, а софистические рассуждения разрушаются не логически, а посредством созерцания. Достоинство любого рассуждения можно проверить на практике: во время выступления ратора Анаксимена Диоген «стал показывать его слушателям соленую рыбу и этим отвлек их внимание; ритор возмутился, а Диоген сказал: “Трошковая соленая рыбка опрокинула рассуждения Анаксимена”» [5, с. 232]. Философская позиция кинизма имеет подчеркнута практическую направленность. Это не означает, что философы-кинники не пользовались совершенно никакими понятиями. «Существуют типично кинические философские понятия, но они не используются в какой-либо логической аргументации, а служат для обозначения конкретной позиции, касающейся жизненного выбора: аскеза, атараксия (невозмутимость), автаркия (независимость, самодостаточность),

усилие, приспособление к обстоятельствам, простота, или неприязнательность (atyphia), бесстыдство» [2, с. 123].

Но у приведенного анекдота есть и другая сторона: киническая философия – это философия воспитания. Речь не идет о воспитании, основанном на теории, скорее, это воспитание посредством постоянного упражнения. Существует несколько анекдотов, в которых рассказывается о продаже Диогена в рабство. Диоген тут же заявил своему хозяину, что тот должен его слушаться; Ксениад, который и купил Диогена, доверил тому свое хозяйство, сделал его воспитателем своих детей и, по свидетельству доксографа, всем рассказывал, что в его доме поселился добрый дух [5, с. 237].

Сущностью воспитания является образование. Идея образования включает в себя не только приобретение определенной суммы знаний, но и образование человека в качестве человека. Для последней цели подходят далеко не все науки, потому музыкой, геометрией, астрономией можно пренебречь. Внимания заслуживает лишь то, что позволяет достичь состояния полной независимости, самодостаточности, спокойствия, умения переносить любые трудности в любых обстоятельствах. Правда, воспитание не всегда достигает своей цели: если хороших детей можно встретить в Лакедемоне, то хороших людей не найти и во всей Греции.

Мы обнаруживаем здесь у Диогена традиционное для античной философии представление о различии будничного и философского способов существования. Человек является разумным существом, но действительность нередко не соответствует сущности. Большинство не имеет никакого интереса к серьезным вещам, но склонно придавать значения пустякам. Философские рассуждения не привлекают внимания, но стоило Диогену начать верещать по-птичьему, как вокруг него тут же собрался народ. Но «народ» и «люди» – не одно и то же. Доксограф приводит ряд показательных анекдотов: «Однажды он (Диоген) закричал: “Эй, люди!” – но, когда сбежался народ, напустился на него с палкой, приговаривая: “Я звал людей, а не мерзавцев”» [5, с. 224]. «Среди бела дня он бродил с фонарем в руках, объясняя: “Ищу человека”» [5, с. 227].

Последняя история – не свидетельство странного поведения.

Живое существо нуждается в свете, для того, чтобы ориентироваться в окружающем мире. Будничность довольствуется естественным светом, но, поскольку понятие человека превосходит понятие только лишь естественного существа, возникает потребность в свете разума. Впрочем, в некоторых случаях именно естественный свет является условием возможности отличить подлинное от мнимого: в легендарном рассказе о Диогене утверждается, что «когда он грелся на солнце в Крании, Александр, остановившись над ним, сказал: “Проси у меня, чего хочешь”; Диоген отвечал: “Не заслоняй мне солнца”» [5, с. 226]. Этот фрагмент можно сравнить с платоновским мифом о пещере: узник, который оказывается на свободе, видит источник света, солнце, отождествляемое с идеей блага. В сравнении с этой идеей все прочие «ценности» утрачивают значение.

Образ жизни Диогена является подтверждением того, что существование человека всегда является совместным существованием с другими людьми. Невозможно представить Диогена вне полемики с его вечным оппонентом Платоном. Диоген не принимал платоновского учения об идеях и утверждал, что можно видеть стол или чашу, но не «стольность» и «чашность», – на что Платон едко возразил, что для первого типа восприятия достаточно обладать зрением, но для второго необходим разум. Впрочем, Диоген не остался в долгу: «Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: “Человек есть животное о двух ногах, лишенное перьев”, Диоген оцципал петуха и принес к нему в школу, объявив: “Вот платоновский человек!”» [5, с. 226]. Следует признать, что доксиграф оказался в этом случае не вполне точен, ибо в приписываемых Платону «Определениях» речь идет о живом существе, обладающем, помимо указанных признаков, способностью к речи.

Но феномен сосуществования обнаруживается не только и даже не столько в философской полемике, сколько в самой повседневной жизни. Когда Диоген однажды стоял на улице под дождем, окружающие стали жалеть его, на что Платон резонно заметил: если вы его жалеете, лучше отойдите в сторону. Тщеславие Диогена есть выражение его отношения к миру совместного существования. Диоген отнюдь не является одиночкой-философом. «Киники вовсе не были пустынноиками, их сознание находилось

еще в тесной связи с другим сознанием. Антисфен и Диоген жили в Афинах, и лишь там они могли существовать» [3, с. 114]. Это подтверждается и отношением афинян к Диогену. Доксограф сообщает, что когда мальчишка разбил его бочку, афиняне дали Диогену новую бочку.

Для того чтобы довершить описание картины мира, в котором жил Диоген, остается показать, каким образом различные структуры этого мира – личный мир, мир сосуществования и окружающий мир – относятся друг к другу. Речь не идет о трех различных мирах, но о структуре одного и того же мира. Онтологический статус мира есть всемирность. Диоген отвечает на вопрос о происхождении: «Я – гражданин мира» [5, с. 233].

Таким образом, киническая школа является попыткой построения практической философии, осуществляемой посредством определенного образа жизни, философии, которая рассматривает мир как некое первоначальное единство и учит тому, каким образом следует в этом мире ориентироваться. Диоген понимает философию как готовность к любому повороту судьбы. Вместе с тем, философия выражает присущее человеческой природе стремление к совершенству, ибо философия – это забота о том, чтобы хорошо жить. Забота о хорошей жизни находит выражение в юмористическом отношении к действительности. Юмор и смех поэтому являются возможностями раскрытия кинического способа существования. Но в таком случае остается вопрос: не является ли «серьезное» прочтение историй о Диогене из Синопа несоразмерным сути дела методологическим приемом? Возможно, следует признать правоту Гегеля, оставить Диогена, как он есть, и рассказывать о нем лишь анекдоты?

1. Heidegger M. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie (Sommersemester 1924) GA 18 // Hrsg. von Mark Michalski, Frankfurt a. M. 2002.
2. Адо П. Что такое античная философия?– М., 1999.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии.– Кн. 2.– СПб., 1994.
4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа.– СПб., 1992.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.– М., 1986.